

ЗЕЛЕНый МОЗГ

I

Он был похож на незаконнорожденного отпрыска индейца из племени гуарани и дочери нищего фермера, этаким красотишкой из дикой глуши, которая, захотев вырваться из рабства унылой повседневности, нечаянно для себя и окружающих взяла и нагуляла пузо.

Выбранный им внешний вид был безупречен, за исключением тех моментов, когда, оказавшись в почти непроходимой чащобе, он забывал о маскировке и о том, кто он на самом деле.

Его кожа приобретала зеленоватый оттенок и сливалась с фоном, состоявшим из листьев и лиан. При этом грязноватого цвета рубашка, драные штаны, разлохмаченная соломенная шляпа и сандалии на подошве из старых покрышек, казалось, перемещались в пространстве самостоятельно, без участия призрачного тела.

Однако такое происходило с ним все реже и реже по мере того, как он уходил от верховьев Параны, из глубинки штата Гояс, где жили мужчины с горящими глазами и выстриженными челками.

Когда он добрался до районов, где всем заправляли бандейранты, охранявшие границы и попутно совершавшие вылазки в приграничные районы, он научился полностью управлять тем, что умные люди называют «эффект хамелеона».

Наконец он вышел из густых джунглей на открытую местность, перерезанную сетью грунтовых дорог, ведущих к фермам, созданным в рамках плана освоения диких земель Красной зоны. Интуиция подсказывала, что он приближается к одному из пропускных пунктов, где бандейранты фильтруют всех проходящих, и почти человеческим жестом тронул припрятанную под рубашкой *седулу де грацияс аль сакар*, удостоверение, подтверждающее

наличие *белой крови*. Время от времени, когда рядом не было человеческих существ, он вслух произносил свое имя — Антонио Рапосо Таварес.

Звуки, из которых складывалось его имя, казались слишком резкими и грубоватыми, но он понимал, что с ним ему будет безопаснее и спокойнее, чем с любым другим. Все знали, что индейцы штата Гояс в свои имена вставляют самые сложные созвучия. Так ему сказали и крестьяне на ферме, где он ночевал прошлой ночью.

Когда их вопросы по поводу того, кто он сам и куда держит путь, стали слишком настойчивыми, он уселся на крыльце дома и, достав флейту из кожаного чехла, который свисал у него с плеча, заиграл. Это был оригинальный инструмент андских индейцев, священный символ тех мест. Если индеец гуарани прикладывал свирель к губам, все разговоры заканчивались, утонув в благоговейном молчании.

Крестьяне пожали плечами и ушли.

Он медленно тащился по дороге. Сложное искусство ходьбы, не сразу им освоенное, привело его наконец туда, где человеческие существа пребывали в изобилии. Впереди он заметил красно-коричневые крыши и хрустальную башню. К ней причаливали и от нее отлетали прочь аэрокары. Видом своим все это напоминало муравейник.

Вдруг он почувствовал, как им овладевают инстинкты, а им, как он твердо знал, ни в коем случае нельзя давать воли. Если он проиграет инстинктам, то не выдержит испытания, ожидавшего его впереди. Он сошел с дороги, по которой взад и вперед сновали люди, и, сосредоточившись, стал собирать воедино стремившиеся обрести независимость фрагменты той ментальной сущности, какой он был, во всяком случае, пока. В результате его усилий родилась мысль, она пронзила и связала воедино все, в том числе и отдаленные, части его индивидуальности: *мы маленькие зеленые рабы, служащие единому целому*.

После этого он продолжил движение по направлению к пропускному пункту. Мысль, вернувшая ему целостность, заодно придала ему вид самый подобострастный — отличная защита от взглядов человеческих существ, которых вокруг него становилось все больше и больше. Те, кто его послал, знали, как люди

ведут себя в разных ситуациях, какие позы принимают и какие надевают маски. Они понимали, что подобострастие для индейца — лучший камуфляж.

Вскоре грунтовая дорога уступила место двухполосной асфальтированной, с тропинками для пешеходов по обеим обочинам, а та, в свою очередь, тянулась параллельно четырехуровневому шоссе, на котором заасфальтированными были даже пешеходные дорожки. По шоссе мчались автомобили, по воздуху — аэрокары, и с каждой минутой их становилось все больше и больше, как и пешеходов.

До сей поры он не привлекал особого внимания. А беглые насмешливые взгляды местных жителей можно было не замечать. Опаснее те, кто всматривается пристально — в подобных взглядах таилась смертельная опасность. Но таких он пока не видел.

Подобострастие прикрывало его как щит.

Утро разгоралось, и солнце, разогревая воздух, выдавливало из лежавшей вокруг дороги земли влажную вонь, смешивая ее с запахом пота, который источали снующие вокруг человеческие существа. Была в этом запахе ясно различимая горечь, и он с тоской вспомнил сладкие, такие знакомые ароматы далеких джунглей. Но запахи, которые его теперь обволакивали волнами и негромко стучали в ушах, несли еще одну угрозу, внушавшую беспокойство. Эти запахи свидетельствовали о все большей концентрации инсектицидов.

Люди были вокруг — все ближе и ближе, теснее и теснее; их движение замедлялось по мере того, как толпа подходила к бутылочному горлышку пропускного пункта.

Наконец все застопорилось.

И двинулось вновь.

И опять остановилось, чтобы снова двинуться и на несколько шагов приблизиться к цели.

Наступал момент истины, и избежать его было невозможно.

Он стоял и терпеливо ждал — так ведут себя индейцы в ситуации кризиса. Ему хотелось дышать чаще и глубже — это было бы средством компенсации эффектов невыносимой жары, но он сдержал дыхание, чтобы ничем не выделяться из толпы. Лучше уж температура! Здесь, вдали от своих джунглей, настоящие индейцы стараются дышать бесшумно.

Движение и остановка.

Движение и остановка.

Теперь был виден и сам пропускной пункт.

Там, по обе стороны окруженного кирпичными стенами затененного узкого коридора в два ряда стояли бандейранты в белых мундирах, пластиковых шлемах, перчатках и тяжелых башмаках. За ними открывалась залитая солнечным светом городская улица, куда и выливалась толпа после прохода через этот строй.

Вид этой улицы пробудил во всех частях его существа страстное желание оказаться там, по ту сторону пропускного пункта. И сразу в нем проклюнулось и выросло иное чувство — ни в коем случае не поддавайся раздирающим тебя инстинктам!

Нельзя ни расслабиться, ни отвлечься. Каждая составляющая его сущности обязана быть начеку, готовая принять и преодолеть любую боль.

Толпа вновь качнулась вперед и остановилась. Теперь он оказался перед первым из охранников, дюжим блондином с розовой кожей и голубыми глазами.

— Шаг вперед! — приказал тот. — Живее!

Рука в перчатке подтолкнула его к очередным двоим стражам, стоявшим справа.

— Имя! — раздался голос сзади.

— Антонио Рапосо Таварес.

— Штат?

— Гояс.

— Обработайте его получше, — велел блондин. — Наверняка он с гор.

Он попал в руки очередной парочки. Один из охранников надел ему на лицо дыхательную маску, другой натянул на тело большой пластиковый пакет. Из пакета торчала трубка, а снаружи, из-за стен коридора, доносился звук какой-то работающей техники.

— Двойную дозу! — крикнул в ту сторону один из бандейрантов, и сразу пакет, в котором оказалось запертым его тело, наполнился голубым газом. Газ хлынул в маску, и, сделав невольный вдох, он ощутил, как острый нож вскрывает его внутренности, как тысячи несущих боль иголок вонзаются во фрагменты, составляющие его тело, пытаясь разорвать на части.

Он чувствовал, что умирает. Это и называется агонией?

Нет, подумал он. Нельзя поддаваться. Держись!

Но боль не прекращалась, и связи, на которых держалась его целостная сущность, слабели. Еще немного, и он...

— С этого хватит! — крикнул тот, который орудовал пакетом.

Пакет сняли, маску стащили. Чьи-то руки подтолкнули его вдоль коридора, по направлению к солнечному свету:

— А ну-ка, поживее! Не держи очередь!

Запах ядовитого газа проникал повсюду. Это был новый газ — деконструктор. Те, кто его отправлял, к этому газу не подготовили. Он ждал чего угодно, был готов к радиации, ультразвуку, химическим веществам, но не к этой гадости.

Солнце буквально ударило в него, когда он вышел из коридора на открытое место. Он нырнул в проход, заставленный фруктовыми лотками. Продавцы торговались с покупателями или просто стояли, подперев бока жирными руками и наблюдая за своим товаром. Некоторые его части видели в лежавших повсюду фруктах надежное для себя убежище, но, как бы он ни был выбит из колеи полученной дозой отравы, фрагменты его сущности, отвечавшие за целостность всего организма, отбросили эти мысли подальше. Поборов соблазн, он, насколько мог, побыстрее проскочил мимо покупателей и досужих зевак, которых на рынке было предостаточно.

— Не хотите ли свежих апельсинов? — услышал он чей-то голос, и маслянистая рука с зажатыми в ладонь фруктами появилась около его носа. — Свежие апельсины из Зеленой зоны. Без всяких жучков и прочей гадости.

Он увернулся от руки и апельсинов, хотя их аромат едва не лишил его последних сил.

За углом находилась узкая боковая улица. Еще один поворот, и слева, вдали, открылась манящая перспектива зеленых далей — загородная зона, свободная от домов. Он повернул в ту сторону и ускорил шаг, машинально рассчитывая время, которым еще располагал. Понимал — до зелени совсем недалеко. Яд пропитал одежду, однако чистый воздух вымывал его, и мысль о близкой победе, словно антидот, помогала справиться с последствиями отравления.

У нас все получится!

Зелень все ближе и ближе — деревья и папоротники, буйно разросшиеся по берегам реки. Он уже слышал шум бегущей воды, но единственным маршрутом к воде и деревьям был мост, по которому ехали машины и шли толпы людей.

Выхода не было — он слился с толпой, стараясь избегать прямых контактов. Соединения, скреплявшие фрагменты, из которых состояли его ноги и спина, начали ослабевать, и он понимал: случайный толчок в спину или столкновение, и эти связи распадутся. А это — конец!

Мост закончился, и справа он увидел дорожку, ведущую вниз, к реке. Повернув, он неожиданно столкнулся с одним из двух крестьян, которые несли поросенка в сетчатом слинге, держа его с двух сторон. От удара поверхность, имитирующая кожу на его правом бедре, не выдержала, и он почувствовал, как она сползает под брюками вниз.

Крестьянин, с кем он столкнулся, отступил на два шага, едва не выронив поросенка.

— Осторожнее! — закричал он.

А его напарник проворчал:

— Чертовы пьянчужки!

Но в этот момент поросенок завизжал и отвлек их.

Это дало ему шанс. Проскользнув мимо крестьян, он бросился по тропинке к реке. Уже была видна вода, бурлящая после прохода через барьерные фильтры, и клочья пены на ее поверхности — там работали очистные вибрационные устройства. И в этот момент он услышал, как один из крестьян, несших поросенка, сказал:

— Не думаю, что он пьян, Карлос. Кожа у него сухая и горячая. Наверное, он болен.

Эти слова заставили его ускорить шаг — он все слышал и понял. Имитирующий кожу лоскут на бедре сполз почти до лодыжки. Ослабевшие плечевые и спинные мускулы уже едва поддерживали равновесие тела. Тропинка резко свернула и потянулась вдоль сырого глинистого берега, нырнув в туннель из зарослей кустов и папоротника. Он знал, что те двое уже не видят его, а потому, придерживая рукой сползавшую под брюками имитацию кожи, принялся пробираться через зеленый туннель.

В конце туннеля он увидел первую пчелу-мутанта. Она была мертва, поскольку оказалась в зоне вибрационной фильтрации без средств защиты. Пчела была из тех, что напоминают бабочек — с переливчатыми желто-оранжевыми крылышками. Она лежала в чашечке зеленого листа в самом центре светлого пятна, выбитого из сырого полумрака солнцем, сияющим над зарослями.

Он двинулся дальше, зафиксировав в памяти цвет и форму пчелы. Как считали те, кто его послал, пчелы могли бы быть хорошими посредниками, хотя у них имелись серьезные недостатки. Главный заключался в том, что пчела — по определению — была неспособна вступить с человеческим существом в успешный рациональный контакт. Человек просто не отреагировал бы на резонные доводы, если их ему каким-либо образом представила пчела. А люди должны услышать голос разума, в противном случае жизни на Земле придет конец.

Тем временем сзади раздался звук топающих ног — кто-то спешил по тропинке.

Погоня?

Но почему его преследуют?

Неужели его раскрыли?

Нечто, похожее на страх, пронзило его и придало энергию уже готовым распасться частям. Увы, этой энергией он уже не мог распорядиться, и ему осталось лишь медленно пробираться сквозь растительность. А скоро и вообще он сумеет только ползти! Все глаза, которые имелись в его распоряжении, судорожно искали укрытие.

И нашли!

Слева, в папоротниках, был едва виден узкий проход. В него вели маленькие следы человеческих существ. Дети! Он направился по этим следам и вскоре оказался на узенькой тропинке. Игрушечные аэрокары, красный и голубой, валялись на дорожке. Ковыляя, он пошел по глинистой поверхности тропинки дальше.

Дорожка подвела его к земляной стене, по ней вверх карабкались ползучие растения. Внизу, у основания стены, находился вход в неглубокую пещеру, перед которым лежало еще несколько игрушек. Он нагнулся, переполз через игрушки и забился в благословенную черноту этого импровизированного укрытия.

Ниже пещеры, метрах в пяти, протопали две пары ног, и сразу послышались голоса.

— Он пошел к реке. Думаешь, собирался в нее сигануть?

— Да кто ж знает? Но то, что он болен, это точно!

— Вот, смотри! Кто-то побежал туда, вниз.

Голоса стали плохо различимыми, слившись с бульканьем воды. Эта парочка двинулась вниз по тропе, так и не найдя его убежища.

Почему они гнались за ним? Он ведь никого не ранил.

Неужели они что-то заподозрили? Вряд ли!

Но обдумать то, что происходит, времени не было.

Сначала он сделает то, что должен сделать. Активизировав специально предназначенные для этого части своего тела, он принялся закапываться в землю. Глубже и глубже он зарывался в землю, выбрасывая ее избыток наружу, так, чтобы сложилось впечатление, будто пещера обвалилась.

Прежде чем остановиться, он прошел десять метров. Запасов энергии у него оставалось ровно столько, чтобы завершить следующую стадию. Он повернулся на спину, отбросив умершие части своих ног и спины, и из его нутра появилась королева в сопровождении воинов охраны. На бедрах у него открылись отверстия, из них хлынула пена — при затвердевании она сформирует кокон, защитную зеленую раковину для королевы и ее отпрысков.

Это была полная победа. То, что нес сюда, в город человеческих существ, он доставил в целостности и сохранности.

Теперь остается только ждать. Через двадцать дней он наберется новой энергии, пройдет все стадии пресуществования и превратится в тысячи подобных самому себе сущностей, и у каждой будут совершенно аутентичные одежда и удостоверения личности, и каждая будет как две капли похожа на человека.

И все они будут похожи друг на друга.

Их ждут иные пропускные пункты, впрочем, не столь строгие, и другие барьеры — не такие высокие.

Да, человеческая оболочка — это то, что надо! Интеграция с этими существами оправдала себя. Они многое узнали, изучая пленных, захваченных в джунглях. Правда, понять человеческое существо чрезвычайно трудно, практически невозможно. Даже

когда им предоставляли пусть и ограниченную, но свободу, воздействовать на их рассудок рациональными средствами не получалось. Самая тесная интеграция не вела автоматически к полноценному контакту.

И оставался главный вопрос: сможет ли самая тесная интеграция предотвратить катастрофу, к которой движется планета? Да, с человеческими существами непросто: нужно будет доказать им, что они не хозяева этой планеты, а ее рабы и слуги. Даже если для доказательства этого факта придется применить жестокость.

Королева, подталкиваемая стражами, зашевелилась на холодной земле. Все части его тела, связанные единой коммуникационной сетью, пришли в движение, занялись выяснением того, кто выжил, кто погиб, сколько сил было потрачено, сколько осталось. Да, на сей раз они узнали много нового относительно того, как можно прятаться от людей. И все кластеры новой колонии разделят это новое знание. По крайней мере, один из них доберется до города на Амазонке, ведь именно оттуда пришло к ним понимание того, что смерть-ради-всех — гораздо выше и лучше, чем жизнь.

Один из них доберется. Непременно.

II

Пастельного цвета дым плавал в воздухе кабаре. От каждого стола, из вентиляционного отверстия в его центре вверх поднимался дым особого цвета, который был визитной карточкой стола: здесь — бледно-лиловый, чуть дальше — розовый, как кожа младенца, а в углу — зеленый, пробуждающий воспоминания об индейских одеждах, сотканых из растущей в пампасах травы. Только что пробило девять часов вечера, и кабаре «Клещ», лучшее в Байи, начало свою ежевечернюю развлекательную программу. Первым номером был танец гигантских муравьев. Мелодия, выводимая оркестром колокольчиков, задавала чувственный ритм для группы танцоров, выступавших в стилизованных костюмах, а их усики бодро раскачивались в клубах дыма.